

СОВРЕМЕННА ВСЕГДА!

К 80-летию Елены Митрофановны Шатровой в «Правде» была напечатана статья «Обаяние таланта» народного артиста СССР Б. И. Равенских. О том, с кем и как Борис Иванович работал, он собирался написать книгу, одну из глав которой посвятить Е. М. Шатровой.

В связи с девяностолетием со дня рождения народной артистки СССР Е. М. Шатровой предлагаем с небольшими сокращениями первоначальный вариант этой главы из книги, которую автор, к сожалению, закончить не успел.

Если бы меня спросили, какое самое яркое дарование встретил я на своем пути в искусстве, с кем я испытывал настоящую радость в работе, я бы, не задумываясь, указал прежде всего на дарование Елены Митрофановны Шатровой.

Но прежде чем начать свой рассказ о том, как мне работало с этой актрисой, я хочу сказать о ней как о человеке. Всем известны ее ум, обаяние, лукавство, я бы сказал, озорство и какая-то редкостная женственность. С ней всегда было интересно: она столько читала, встречалась с такими замечательными людьми, играла с такими крупными актерами и актрисами! До Октября — в Харькове и Киеве, а после Октября, когда искусство нашей Родины бурно менялось во всех отношениях, — на московских сценах.

Это была сугубо национальная, русская актриса. Ее интересовала многообразная жизнь Родины и развитие искусства

в нашей стране; у нее было преданнейшее отношение к своему нелегкому труду. Она была очень современной, и это проявлялось на практике, а не произносилось только с трибуны или за кулисами.

Она была старше меня на двадцать лет, но никогда и ни в чем я не чувствовал ее старшинства. Мне вспоминается, к примеру, 30 сентября 1972 года, когда Малый театр отмечал ее 80-летие и 60-летие сценического пути. В тот, вероятно, самый праздничный день своей жизни она вошла в Малый театр часа за 2—3 до спектакля. Ее встретил весь коллектив. В фойе грянул оркестр. А затем начался торжественный спектакль в ее честь — «Бешеные деньги» А. Н. Островского. Когда-то блестящая Лидия Чебоксарова в дебютном спектакле на сцене Малого театра (1933), в свой юбилей она исполняла одну из лучших новых своих ролей — Чебоксарову-мать.

По окончании спектакля и бесконечных оваций зрительного зала началось чествование юбиляра при открытом занавесе, длившееся долго-долго. Всю церемонию Шатрова выстояла на ногах.

А кончилось чествование — начался банкет, во время которого снова произносились речи и новые приветствия. К утру, небольшой, правда, компанией, мы отправились к ней домой, откуда разошлись едва ли не в пять-шесть часов утра. Таким образом, день своего восьмидесятилетия Елена Митрофановна праздновала двенадцать часов подряд, и теперь мне кажется, что тот самый торжественный день ее жизни украл у нее, может быть, целый год жизни. Хотя те двенадцать часов и стояли того!

«Правда» напечатала в тот день мою статью «Обаяние таланта», из которой мне хотелось бы напомнить сейчас вот что:

«...Актёрский талант Е. М. Шатровой, ее профессионализм для меня — идеальное воплощение старой русской школы актерской игры. Мастерница создавать образы подлинно народные, русские, она до-

стигает этого путем внутреннего перевоплощения в образ и детально, филигранно отделяет внешний рисунок роли. Личность самой актрисы — личность культурного, умного, богатой души человека — всегда просматривается в созданных ролях, и это придает им внутреннюю наполненность, сложность, убедительность.

...Актриса старшего поколения Малого театра, она переняла у своих учителей все лучшие традиции актерского мастерства: простоту, мягкость, естественность исполнения, великолепную сценическую речь. Тому, как говорит Е. М. Шатрова, можно посвящать целое исследование. По богатству же интонаций, по мелодическому разнообразию ее речь можно сравнить с народной русской песней — то спокойной и мудрой, то веселой и задорной, то горькой и печальной».

Говорят, что я добр, но бываю вспыльчив и резок. Да, характер у меня непрост, и он проявляется главным образом на репетициях. Но почти за четверть века моего общения с Шатровой в Малом театре между нами не возникало ни одной ссоры; были невозможны конфликты или интриги. И

это шло от нее, а не от меня. Своей добротой и обаянием она создавала атмосферу доброжелательства ко мне и во мне, способствуя тем самым тесному общению актеров, занятых в подготовке нового спектакля. В ней не было ни апломба, ни гонора; в ней была мудрость актрисы, понимавшей мученическую профессию режиссера.

Только две роли сыграла она в моих постановках: толстовскую Матрену (1956) и Волохову в «Царе Федоре Иоанновиче» (1973). Совершенно разные роли. Но в процессе подготовки обоих спектаклей их вдохновителем во многом я признаю ее. Я благодарен ей за создание на репетициях такой атмосферы, которая позволяла мне чувствовать себя как бы раскрепощенным. В создании творческой атмосферы на репетициях я называл бы ее мастерницей, так как репетиции для меня куда дороже, чем спектакли. Репетиции — это минуты отчаяния и вдохновения; это часы потери и находок. Шатрова все это понимала и зачастую по окончании репетиции любила еще поговорить и выяснить, что было хорошо, а что плохо, — да поговорить побольше!

Иногда мы репетировали с ней молча. И всегда понимая друг друга.

Шатрова была одной из немногих, кто чувствует, какая страшная эта профессия — режиссер! А уж перед выпуском нового спектакля многие из нас, мало сказать, тупеют. Помню, на премьере «Власти тьмы» я почти бессознательно спрашивал у И. Ильинского: «А были аплодисменты?» Я их не слышал.

Она начала репетировать со мной Волохову в «Царе Федоре Иоанновиче», когда ей уже было за восемьдесят. Репетирую с десяти утра до четырех дня. Она сидит и ждет свою сцену. А случалось, что я забывал о том, что вызвал ее, или вот, как сегодня, например, не успел дойти до ее сцены. Она ждет. Но никогда не скажет: «Вечером я играю».

Ей за восемьдесят, но ни разу она у меня не спросила, зачем же я ее вызывал? Уедет после репетиции домой и вскоре же вернется на спектакль. Да еще, бывало, пригрозит: «Попробуй только не вызвать меня завтра!».

Конечно, я старался, чтобы она не репетировала в тот день, когда у нее вечером спектакль. Но тогда мне при-

ходилось слышать и такое: «Неужели я уж стала так немощна?». Что мне было отвечать на это, да еще вида, какими злыми при этом становились ее добрейшие глаза. Нет, старость и Шатрова — понятия несовместимые.

Что еще поражало меня в ней и о чем полезно узнать и не забывать нашей молодежи: я иду в музей — Шатрова — Волохова следует за мной; я осматриваю в Кремле соборы — она рядом; слушаю музыку — она тут как тут.

В театрах часто возникает спор о том, что такое талант? На своих спектаклях я часто замечал, что между Шатровой и зрителем устанавливается какая-то невидимая крепкая связь. Актриса не навязывает себя, но не только глаза и уши зрителя не отрываю от нее, между ними протягиваются какие-то психологические, я бы сказал, нити.

Не сдавая ни одной из позиций русского советского театра, например в области искусства слова, Елена Митрофановна великолепно понимала, что если у актера нет слова, так у него нет и мысли. А когда нет мысли, нет и актера.

Я замечал, что любовь к ней не только как к актрисе, а как

к человеку проявлялась у многих, начиная с маленьких детей и кончая людьми преклонного возраста. Трудно сказать, кто ее не любил. Немногие.

А как ее любила молодежь! И это шло не от подобострастия, а от подлинного чувства, которое она пробуждала к себе. О ней вспоминают и теперь: вспоминают искренно и любовно.

Скажу только, что она написала книгу «Жизнь моя — театр» отлично. Это написала моя актриса.

Да, это была моя актриса, потому что я считаю, что актерам не нужно иметь свой театр, свои роли; им нужно искать своего режиссера. Так же, как и режиссер должен искать и находить актеров своих.

Уход Елены Митрофановны из жизни, я считаю, сказался на репертуаре Малого театра. Ничего не поделаешь — когда актер умирает, растут и подрастают новые актеры. Вырастить же такую мастерницу, как Шатрова, очень трудно. Без Елены Митрофановны творчески скучно. Скучно без нее в старых спектаклях, не хватает ее в новых. Шатровой нет!

Но если бы я встретил в своей работе еще раз актрису, равную ей!

1976/77.

Публикация
Ник. ЛЕОНТЬЕВСКОГО

Сов. культура, 1982, Июнь, № 4